

Екатерина Афанасьева

ПАЗА

Оформление обложки
Оксаны Ануфриевой

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS
Москва · 2023

УДК 821.162.1

ББК 84(2)6

А94

Афанасьева, Екатерина.

Пазл / Екатерина Афанасьева – М. : Albus Corvus, 2023. – 232 с.

ISBN 978-5-00114-402-1

© Екатерина Афанасьева, текст, 2023

© Оксана Ануфриева, оформление обложки, 2023

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2023

Содержание

Пролог. Инструкция по сборке	7
Глава 1. Объявление	8
Глава 2. Иисус VS вампир	14
Глава 3. +1	19
Глава 4. Хард	21
Глава 5. Семейный портрет	29
Глава 6. Петруша	39
Глава 7. Блокнот	48
Глава 8. Ирина Николаевна	53
Глава 9. Пуч	59
Глава 10. Н. В. и По	63
Глава 11. Валя	68
Глава 12. Ася	72
Глава 13. Бабушка и Дора Маар	83
Глава 14. Школа	95
Глава 15. Очевидцы	107
Глава 16. Преступление	115
Глава 17. Песец	119
Глава 18. Пьеса	123
Глава 19. Муму и физкультура	138
Глава 20. Не Хард	143
Глава 21. Не отец	153
Глава 22. Монолог	158
Глава 23. Сторож	162
Глава 24. Паромщик	168

Глава 25. Яков Иванович	172
Глава 26. Точка покоя	179
Глава 27. Нить	185
Глава 28. Хлоп!	188
Глава 29. Дело	195
Глава 30. Волшебник Гудвин	202
Глава 31. Нора	207
Глава 32. Суд	212
Глава 33. ДР	219
Глава 34. Два года	222
Глава 35. Начало	224
Эпилог.....	229

В открытом небе Мотылек —
 Без имени, без крова
 Над головой — и без родных.
 Без песни и без слова.
*Эмили Дикинсон**

Пролог

Инструкция по сборке

1. С чего вы обычно начинаете собирать пазл? С уголков? Или с обрамляющих рядов, на деталях которых один край ровный? Или просто берете любую деталь и ищите для нее подходящую соседку? Важна ли для вас последовательность — слева направо, сверху вниз? Или вы собираете случайные фрагменты, а потом пытаетесь их соединить? Часто ли вы смотрите на образец? Я вообще не смотрю. Мне нравится собирать, не зная заранее, какая картинка получится.

* Пер. с английского Татьяны Стамовой.

Глава 1

Объявление

«Внимание! Потерялся мальчик. Пять лет. Волосы белые... Кхм. Волосы светлые. Глаза светло-голубые. Одет в белую рубашку, белые джинсы и бирюзовые кроссовки. Зовут Илья Ефимович Таликов. Мальчик ждет маму в игровой комнате».

Я очнулся оттого, что женский голос, гулкий и с небольшим эхом, настойчиво повторял эти слова в моей голове. Как только до меня дошло, о ком речь, голос смолк. Вместо него включилась видеозапись. Не лучшего качества, как будто кто-то снимал на бегу и не всегда мог сфокусироваться на нужном объекте, но в целом картинка была довольно подробной и четкой. На ней я увидел себя маленьким и удивился. Похоже, это первый доступный мне фрагмент пазла.

Я потерялся в каком-то молле. Это объявление прозвучало тогда так много раз, что я запомнил его наизусть. Особенно мне нравилось «зовут Илья Ефимович Таликов». Тогда я себя чувствовал не просто потерявшимся мальчиком, а важным потерявшимся Ильей Ефимовичем. Мне казалось, что так мама быстрее обратит внимание на объявление, поэтому представился максимально полно.

Но — нет. Никто не спешил меня найти. Дело в том, что моя мама — натура увлекающаяся, да еще и со встроенными в глаза и уши суперфильтрами, отсекающими

всю ненужную ей информацию. Она могла сосредоточенно работать за компьютером хоть в разгар детского праздника, хоть на трибуне во время футбольного матча. Короче, скорее всего, объявления она не слышала.

У нас с ней было правило: если я потеряюсь, то должен стоять на одном месте. Но я не потерялся, мне стало скучно. Невозможно так долго выбирать рамки для фотографий. К тому же с цветом было все понятно изначально. Мама любит белый. Осталось определиться с размерами и количеством. «Так, две штуки — 20 × 30, четыре — 15 × 20, хотя нет, лучше четыре — 20 × 30... Илюш, какие лучше взять — потолще или потоньше? Так чтобы рамка не притягивала к себе внимания больше, чем фотография?» Я считал, что это уже просто невыносимо, поэтому молчал. Но мама на самом деле обращалась не ко мне. Ей просто было легче рассуждать, если она называла имя рядом стоящего человека. Сегодня этим человеком, к сожалению, был я.

Мама все не приходила. Тогда я предложил администратору сделать наоборот. Искать не маме меня, а нам ее.

«Внимание! Таликова Кира Александровна, подойдите к администрации, вас ждет сын», — произнес тот же гулкий строгий женский голос, как выяснилось, совсем не подходящий своей хрупкой улыбчивой обладательнице.

Но и это объявление не сработало. Администратор нервничал. Ему уже звонили продавцы и просили что-нибудь предпринять, так как покупатели беспокоились и не понимали, почему в течение часа не нашлись родители бедного мальчика. Я при этом совсем не чувствовал себя бедным и вообще был спокоен, в отличие от администратора. Я-то знал, рано или поздно мама вспомнит,

что в магазин она приходила со мной. По крайней мере, когда вернется домой, то уж точно. Но торговый центр через тридцать минут должен был закрыться. Это самое сложное время для администратора, так как ему одновременно надо быть в нескольких местах и делать параллельно несколько дел, а тут я, и куда меня девать — непонятно. «Не в полицию же мне звонить», — ворчал он.

Оставался один вариант — идти самим искать маму. Поиски были недолгими. Она обнаружилась в отделе штор. В одном ухе у нее был наушник. Предполагалось, что вторым ухом она должна слышать меня, если что. Мама напевала мелодию из Кармен «Та-та-тадам, тарам-там-тадам, тарам-там-тадам, тарам-там-там», примеря белый тюль в качестве юбки. «Вот моя мама!» — дернул я администратора за рукав.

Он замер, как сурикат, точнее, как статуя большого пухлого суриката, и смотрел на мою маму с удивлением в пятой степени, умноженным на восторг в третьей. Я смотрел на него. Была бы шикарная немая сцена, если бы мама не продолжала напевать. Администратор простоял так, наверное, еще с минуту. Судя по его мимике, он хотел что-то произнести, но у него не получалось. Щеки шевелились, губы тоже, но звук никак не хотел извлекаться. Наконец ему удалось с этим справиться, и, к моему разочарованию, результатом была обыкновенная стандартная фраза «Я могу вам помочь?».

Мама его, конечно, не сразу услышала. Придерживая кусок шторы, который с одной стороны был намотан вокруг нее, а с другой — на толстенный рулон, она пошла к противоположной стене за другими образцами. За ней через весь зал потянулся белый воздушный шлейф,

поскрипывая разматывающейся бобиной в такт ее «Там-пара-пам!». Администратор тоже про меня забыл.

«Давайте я вам помогу», — еще раз предложил он, уже громче. Мама нас заметила, ничуть не удивилась, улыбнулась и стала быстро наматывать тюль обратно на рулон, при этом ей приходилось самой крутиться вокруг своей оси, чтобы снять «юбку». И тут, по классике голливудских фильмов, прозвучал уже знакомый мне и не казавшийся теперь таким строгим голос: «Магазин закрывается через десять минут. Просим покупателей пройти на кассу!»

Мы все посмотрели на тележку. Она была доверху завалена белыми рамками разного размера, на них балансировал горшок с фикусом, пытаюсь удержаться за стопку белых полотенец.

— Да, помогите, пожалуйста, — согласилась мама, достала наушник и засунула его в сумочку. Администратор по ее просьбе отмерил и отрезал пять метров белого тюля. Потом мама взяла меня за руку, чтобы я не потелся, и мы втроем направились к кассе.

Когда мы дошли до хвоста очереди, мама взглянула на бейджик администратора, по-мужски протянула ему руку и сказала: «Спасибо вам большое, Валентин Петров!»

Валентин аккуратно пожал мамину руку и протянул визитку. «На случай, если вам снова понадобится помощь», — добавил он, делая вид, что поправляет прическу, а на самом деле пряча свои покрасневшие уши. Я догадался, потому что и сам так часто делаю. Мама впихнула визитку в свою сумочку, в которой даже этому кусочку бумаги было уже негде поместиться.

Про мое исчезновение и поиски никто и словом не обмолвился.

Визитка понадобилась минут через пятнадцать. Все это время мы искали нашу машину. Мама забыла, где припарковалась. Нам казалось, что это было на минус втором этаже в желтой зоне. Но там стояло всего три машины, и ни одна из них не была нашей. Всего здесь было четыре этажа парковки, и на каждом по пять зон разного цвета. В общем, это была катастрофа, которой я всегда боялся. Прежде нам всегда везло, и мы удачно выходили из магазина к машине. Я понимал, что дело именно в удаче, по маминому радостному восклицанию: «О! Сммотри, наша машина!» Поэтому я стал на всякий случай запоминать цвет парковки, а мама по возможности — этаж.

Валентин, запыхавшийся и покрасневшийся, чуть не врезался в раздвижные стеклянные двери. Он так торопился, что они просто не успели перед ним открыться.

— Я с большим удовольствием помогу вам найти машину. Но сейчас мне нужно закончить смену и отпустить людей. Может, попьете пока кофе? Тут кафе... на час позже магазинов, — скомкал он последнюю фразу.

— Я не пью кофе в такое время, — растерянно сказала мама.

— Давай какао поьем. Я есть хочу.

Валентин попросил охранников посмотреть камеры. В итоге мы нашли нашу красавицу Фиатину, как называла ее мама, на парковке другого магазина, в противоположном крыле этого подземного парковочного царства.

Мы подвезли Валентина к метро. Он казался карикатурно большим для этой машинки. Некоторые из его светлых, особенно выбивавшихся из густой шевелюры кудрей доставали до потолка. Я сидел за ним и видел, как он пытался сутулиться, чтобы плечи не выдавались из-за

сиденья и не упирались в стойку двери. В огромных руках он бережно держал фикус, который никуда больше не помещался.

— Спасибо вам большое, Кига Алексанговна, — сказал он, выходя из машины. Он поставил на свое место фикус и пристегнул его ремнем безопасности.

«Я и то “р” лучше выговариваю», — подумал я.

— Да не за что. Это вам спасибо. Откуда вы знаете, как меня зовут?

Валентин подмигнул мне, махнул на прощание рукой, показал на знак перед машиной, изображавший колесо с четырьмя спицами, и быстро ушел.

«Как ему удалось до этого ни разу не сказать ни одного слова с „р“?» — озадачился я, когда вся эта картина прокрутилась передо мной и так же неожиданно выключилась. Я снова провалился во тьму.

Глава 2

Иисус VS вампир

Память — странная штука, особенно когда она работает сама по себе, без твоего участия. Воспоминания крутятся колесом удачи, как в играх на телефоне. Быстро так — ничего не разберешь. Потом колесо замедляется, останавливается, и стрелка указывает на сектор «приз». Теперь ты можешь разглядеть в подробностях все колесо, но получаешь только свои десять монеток, потому что на них указала стрелка. А десять кристаллов для перехода на новый уровень находятся в соседнем секторе.

Итак, стрелка памяти указала на одного из одноклассников. Почему на него?! Я хочу десять кристаллов, а не этот сомнительный «бонус» по имени Женя. Пару раз мы с ним поговорили слишком искренне, чего, видимо, не стоило делать, потому что после этого исчезли даже приятельские отношения.

В одной из таких бесед он мне пожаловался, что чувствует себя невидимкой. Никто его не замечает. В очередях люди встают перед ним, как будто его и нет вовсе. В классе — почти никогда не вызывают к доске. Куда бы он ни пришел, все смотрят сквозь него.

— Тальк, как думаешь, что со мной не так? — спросил он.

Я внимательно посмотрел на Женю — вроде ничего особенного. Средний рост, пропорциональная фигура, состоит из аккуратно составленных кругов и овалов, изгибы местами резкие, угловатые плечи; аккуратная

стрижка, русые волосы, серые глаза в форме листа ивы; нос в виде равнобедренного остроугольного треугольника; правильные черты лица, расположенные в нужных местах. Несколько прыщей, но к ним еще приглядеться надо, чтоб заметить. Опрятная одежда из сетевого магазина. В общем, нормальная внешность. О такой вообще-то некоторые даже мечтают. Стал вспоминать его в разных ситуациях. И к своему стыду, ничего толком не смог припомнить. Только то, что однажды его почти месяц не было в школе, и никто этого не заметил.

— Не знаю, Жень, нормально с тобой все. Я бы с тобой вообще поменялся. Я вот шпионом мечтал стать. Но куда мне, альбиносу? А вот ты бы идеально подошел.

Женька хмыкнул, улыбнулся и кивнул.

Люди на меня смотрят пристальнее, чем положено негласными правилами вежливости. Некоторые даже оборачиваются. Что при этом испытываю я, зависит от настроения. Иногда чувствую себя чуть ли не Мессией с картины Иванова «Явление Христа народу». Только я не могу, как он, смотреть в ответ прямо в глаза, сразу опускаю взгляд или поглубже прячусь в капюшон. Был такой период, когда капюшон был неотъемлемой частью моей одежды. Я чувствовал себя с ним, как черепаха в панцире. Спрятался, и будто меня не видно. Но это только мне так казалось. А остальным — что я в своих капюшонах похож на вампира. «Где клыки потерял? Молочные выпали, что ли? Ничего, скоро коренные отрастут». Ну и все в таком роде. Посмотрели бы эти равнодушные комментаторы современные фильмы про вампиров, а потом уж отпускали свои тупые шутки. Они

бы узнали, что бледность давно не в тренде, не говоря уже о темнокожих оборотнях.

Однажды меня так достали, что я купил себе искусственные клыки. Это еще классе в пятом было. Весь день тогда улыбался, к обеду скулы свело. Выглядело так правдоподобно, что мои доброжелатели и сами немного бледнели. Пошел я с этими клыками во рту домой. Зима, темнеет рано. Захожу в подъезд, в полумраке дверь, как полагается в классических ужастиках, протяжно скрипнула. А тут соседка наша Раиса Захаровна в своем почтовом ящике ковыряется. Оборачивается она на этот скрип, а я ей улыбаюсь своей самой милой улыбкой. Про клыки, естественно, забыл. Раиса Захаровна, крестясь, повисла на ящике, потом как-то осела, а дверца у нее в руках осталась. Я не сразу понял, что случилось.

— Раиса Захаровна, вы чего?

— Господи! Илюшка, ты, что ли?!

Она потом всю неделю ко мне приглядывалась. Креститься, правда, в открытую не стала. Но по быстро исчезающему и появляющемуся локтю я и со спины понял, что все-таки крестится.

В общем, клыки свои я положил на полку и больше ими не пользовался.

Вернусь к великому Александру Андреевичу Иванову, раз уж этот Женька меня к нему привел своим неожиданным появлением в памяти. Светлым долгожданным явлением я себя чувствую редко. Хоть меня порой и посещают мысли о тайной миссии по спасению мира и о том, что об этом знают все, кроме меня. стыдно признаться даже самому себе, но в такие моменты я представляю себя Избранным. (Привет братьям Вачовски. Точнее,

уже сестрам.) Чаше я чувствую себя как раз наоборот — чужим. Очень точно про это поют Radiohead в своем бессмертном Creep. Я эту песню, как говорит мама, до дыр заслушал. Может, под этим она имеет в виду мои стертые до дыр наушники. Короче, не знаю, как описать это чувство, когда люди на улице на тебя пялятся. Хочется в такой момент надеть скафандр, приделать вместо рук щупальца, да пострашнее, ходить, размахивать ими и кричать сквозь шлем: «Земляне, я свой!»

По-настоящему своим в последний раз я себя чувствовал, наверное, в детском саду. Никто тогда от меня не шарахался. У нас была настоящая банда. Даже несколько девчонок в нее вписались. Я, если честно, бежал туда вприпрыжку. Многие плакали у входа, цеплялись за мам, пап, бабушек. А я просто говорил «Пока!» и мчался в группу. Мне нравилось в саду, даже когда была смеяна нелюбимой воспитательницы. Я там себя чувствовал именно своим. Больше у меня такого никогда не было.

Или я забыл.

Зато я точно помню, что ты никогда не единица. Ты всегда плюс кто-то. Быть единицей не могут даже боги, потому что без людей они — нули.

Инструкция по сборке

Большинство собирают пазл с рамки. У меня ее нет. Вырубки есть абсолютно на всех сторонах всех деталей. Сначала я искал и мучился, где же рамка. В этот раз хотелось на что-то опереться. Но у меня нет и образца.

По ходу дела я понял: рамки и не должно быть. Если она вдруг соберется, то будет черной. К ней еще и ленточку

Глава 3

+1

придется приделать для полноты образа. Мама, конечно, настояла бы на белой. Мне, в сущности, все равно, главное, чтобы детали с гладким краем не находились в этой гряде кусочков как можно дольше.

Ася говорит, что рамок вообще никаких нет и быть не может. Пазл можно продолжать бесконечно, присоединяя к нему новые и новые детали из других наборов, даже если они сделаны из другого материала и на другом станке. Стоит только приладить детальку, как через три-четыре соединения она уже смотрится как родная. Ну а если совсем не подошло, то и бросить эту затею, немного погрузстить по этому поводу, а лучше – порадоваться. Нужные детали в любом случае найдутся. Так уж устроено в мире, что свободное пространство всегда чем-то заполняется.

Бывает и так, что детали теряются. Навсегда. В этом месте остается дырка. Не любит человек такие дырки и пытается заменить потерю хоть чем-нибудь. Как правило, это видно по кривым, с усилием вставленным деталям.

Когда ты один, ты — целый. Полноценная деталь с ровными со всех сторон краями. Сейчас я примерно так себя и чувствую. Впрочем, не могу утверждать наверняка, что я все-таки целый.

В мирные времена живешь себе, горя не зная, потому что ты есть ты, даже если непонятно, кто ты вообще есть. И оставаться бы таким кактусом посреди пустыни. Но нет: по правилам игры в людей ты, как ракета, запущенная по непонятной тебе траектории, всегда летишь в поиске кого-то. По пути постепенно отваливаются отработавшие и мешающие тебе отсеки. Выходишь в открытый космос и понимаешь, что тебе +1 нужен как воздух. Там таких много летает. Но неприятный сюрприз заключается в том, что далеко не все люди тебе подходят. Пытаешься пристыковаться, и если все срослось, то вы уже дышите вместе, как астматики после пробежки, восполняя кислородное голодание. После слишком долгого отсутствия кислорода в голове и сердце происходят необратимые изменения. Есть защитные механизмы, которые не дают тебе полностью отстыковать первый отсек с кислородом — своих родителей — до тех пор, пока не найдется цель. Кто-то рискует и для мобильности отстегивается раньше.

Дальше — интереснее. Как только ты нашел свой +1, происходит невидимая метаморфоза, и в какой-то момент ты осознаешь, что тебя прежнего уже и нет.